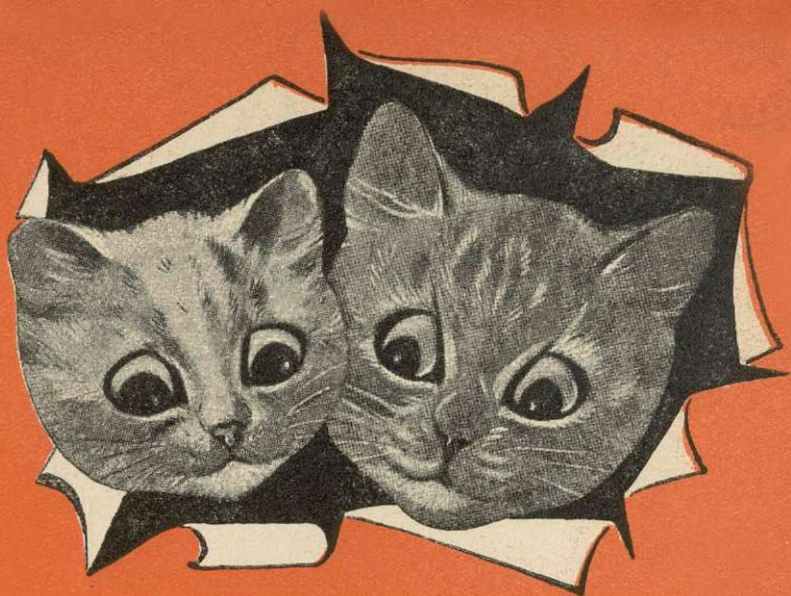

№ 5

ЯНВАРЬ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

О КРЫСАХЪ.
ЭЛЬФЫ.
ПРЯХА.
ВЪ ДЕРЕВНѢ.
БАРИ (повѣсть).
МАРУСЯ.
ДВѢ СКАЗОЧКИ.
РАЗСКАЗИКИ.
ШАРАДА. ЗАДАЧА. РЕБУСЪ.
и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Четыре открытки съ картинками.
Выкройки бѣлья для дѣвочки.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

О КРЫСАХЪ.

Существуетъ много видовъ крысъ, но наиболѣе распространенными считаются: такъ называемая «черная» крыса или домашняя, которая часто

Онѣ обитаютъ на дальнемъ сѣверѣ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ жаркихъ странахъ, подъ экваторомъ, и нѣтъ теперь ни одного такого

Пасюкъ.

бываетъ и пестрой и даже бѣлой, — и странствующая крыса или «пасюкъ». Обѣ онѣ распространены по всему свѣту. Для нихъ нѣтъ различія ни въ климатѣ, ни въ почвѣ.

уединеннаго островка среди океана, на которомъ не водилось бы крысъ. Черная крыса древнѣе пасюка. Впервые о ней упоминается въ лѣтописяхъ Западной Европы въ XIII вѣкѣ.

Тогда она такъ всѣмъ надоѣдала, что отъ нея служили молебны, а епископъ аутунскій даже торжественно отлучилъ ее отъ церкви. Пасюкъ же прибылъ въ Европу сравнительно недавно. Знаменитый естествоиспытатель Палласъ говоритъ, что эта крыса громадными полчищами переплыла въ XVIII вѣкѣ черезъ Волгу у Астрахани, испуганная землетрясеніемъ въ Персіи, и съ этого времени такъ распространилась по всему свѣту, что стала даже вытѣснять крысу черную. Но, какъ и встарь, въ Персіи ихъ теперь больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой странѣ.

Обѣ крысы ведутъ совершенно различную жизнь. Черная крыса занимаетъ обыкновенно верхнія части дома, живетъ на чердакахъ и хозяйничаетъ въ кладовыхъ и по кухнямъ, а пасюкъ, болѣе крупный и болѣе сильный, держится больше около воды, гдѣ-нибудь въ водосточной трубѣ или въ помойной ямѣ, откуда и совершаетъ свои набѣги на жилища людей. Оба вида чрезвычайно плодовиты. По вычисленію Дюпена еще въ 1854 г., когда Парижъ былъ сравнительно не великъ, въ немъ было около 8 милліоновъ пасюка. А сколько же въ немъ крысъ теперь! И это тѣмъ печальнѣе, что отъ крысъ нельзя защититься ничѣмъ: ни оградами, ни стѣнами, ни дверьми и никакими преградами. «Гдѣ крысы не находятъ пути, говоритъ Брэмъ,— тамъ онѣ его себѣ прокладываютъ: черезъ крѣпчайшія дубовыя доски и

черезъ толстыя стѣны онѣ прогрызаютъ и прокапываютъ себѣ ходы. Только битое стекло, густо насыпанное подъ землею или заложненное въ стѣну, и можетъ преградить имъ путь»:

Если крыса размножится въ какомъ-нибудь мѣстѣ, то это становится прямо невыносимымъ. А есть мѣста, гдѣ ихъ такое множество, что мы едва можемъ себѣ составить объ этомъ представленіе. Люди, заслуживающіе довѣрія, сообщаютъ, что въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія въ одной Москвѣ крысъ было такъ много, что когда онѣ шли по ночамъ изъ провіантскихъ складовъ къ Москвѣ-рѣкѣ пить, то казалось, что по улицамъ ползъ громадный сѣрый мѣхъ. Въ томъ же Парижѣ въ теченіе 4-хъ недѣль было поймано въ одной бойнѣ въ ловушки 16,000 штукъ, а на одной живодернѣ вблизи этой столицы крысы въ теченіе одной ночи съѣли сразу 35 больныхъ лошадей, оставивъ однѣ только кости.

А вотъ еще примѣры нахальства крысъ, рассказанные Брэмомъ. Есть достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, говоритъ онъ, что крысы загрызали маленькихъ дѣтей; очень жирнымъ свиньямъ онѣ выгрызаютъ дыры въ тѣлѣ; посаженнымъ тѣсно вмѣстѣ гусямъ онѣ перегрызаютъ на ногахъ плавательныя перепонки, молодыхъ утокъ утаскиваютъ въ воду и топятъ ихъ тамъ. У торговца животными Гагенбека онѣ убили трехъ молодыхъ слоновъ тѣмъ, что прогрызли полъ

и сквозь него вѣлись въ подошвы этихъ животныхъ. 27 іюня 1816 г. Наполеонъ со всею своею свитою остался безъ завтрака, потому что крысы съѣли все. Онѣ приходили въ залъ во время обѣда Наполеона, кусали сидѣвшихъ за ноги и съ ними начиналась настоящая война. Онѣ съѣли у Наполеона всю живность, такъ что пришлось птицу на ночь сажать на вѣтви деревьевъ, но онѣ стаскивали ее и оттуда. Въ погребѣ дома Фридмана въ Инсбрукѣ нѣсколько разъ оказывался недочетъ въ яйцахъ, которыя тамъ сохранялись. Подозрѣніе, конечно, упало на прислугу, которая, желая оправдать себя, стала слѣдить. Яйца лежали прямо кучей. Изъ норы вышла одна крыса, за ней тотчасъ же другая. Первая крыса взяла передними лапками яйцо и съ помощью другой откатила его въ сторону. Затѣмъ она легла на спину, другая крыса вкатила ей это яйцо на грудь, она стала держать его на груди лапками, тогда какъ другая крыса взяла ее за хвостъ и потащила волокомъ къ норѣ, и яйцо такимъ образомъ было украдено. Этотъ фактъ былъ провѣренъ лично ученымъ Торре и оказался вполнѣ справедливымъ. Были случаи, когда крысы утаскивали яйца прямо изъ-подъ курицы и поднимали въ домѣ такой содомъ, что ихъ принимали за воровъ и даже за нечистую силу.

Очень страдаютъ отъ крысъ и моряки. Можно съ положительностью

сказать, что ни одного судна не найдется во всемъ свѣтѣ, гдѣ-бы не было вовсе крысъ. Стоитъ только выстроить новый корабль, какъ тотчасъ-же въ немъ поселяются крысы, несмотря на принимаемыя отъ нихъ мѣры. При этомъ онѣ пускаются на разныя хитрости. Такъ, въ одинъ изъ октябрьскихъ вечеровъ, по окончаніи работъ, когда горѣли уже электрическіе фонари, капитанъ одного парохода Артифексовъ наблюдалъ передвиженіе крысъ съ берега на пароходъ по тому канату, которымъ пароходъ былъ привязанъ къ набережной. Вотъ и спасайся отъ нихъ! Нельзя же пароходу стоять у берега безъ привязи! Знаменитый путешественникъ къ Сѣверному полюсу Кэнъ рассказываетъ, что тамъ, на Дальнемъ сѣверѣ, гдѣ уже не было ни одного живого существа и гдѣ его судно было сплошь заморожено во льдахъ, крысы до того размножились, что съѣли почти весь провіантъ.

Вообще крысы очень искусны. Онѣ отлично бѣгаютъ, плаваютъ, какъ водяныя животныя, и лазаютъ даже по совсѣмъ отвѣснымъ стѣнамъ. Прыжки ихъ замѣчательны. Не обладая длинными задними ногами, какъ напр. кенгуру, онѣ легко подпрыгиваютъ на цѣлые аршины отъ земли. Онѣ ныряютъ, какъ утки, и могутъ долго оставаться подъ водой, умѣютъ рыть отличныя норы, хотя и не любятъ этимъ заниматься: онѣ предпочитаютъ уже готовыя жилища.

Лучше всего у крысъ развиты слухъ и обоняніе, хотя слухъ лучше, чѣмъ

обоняніе; зрѣніе развито слабѣе, а относительно вкуса мы знаемъ отлично, какія крысы лакомки.

Крысы—очень способныя животныя. Ихъ можно выучить разнымъ штукамъ: прыгать черезъ палочку, танцевать, вертѣть маленькій органикъ. При этомъ онѣ даже очень привязываются къ человѣку. Такъ, лѣтъ 5—6 тому назадъ по всей Россіи ѣздилъ извѣстный клоунъ Дуровъ, который показывалъ дрессированныхъ имъ крысъ: онѣ управляли маленькимъ пароходомъ, тянули якорь и дѣлали много разныхъ хитрыхъ вещей. Вообще крыса настолько умна, что если замѣтитъ, что на нее охотятся кошка, сова или человѣкъ, она тотчасъ-же предпочитаетъ лучше выслѣдиться въ другое мѣсто, чѣмъ вступить съ ними въ борьбу.

Крысы обладаютъ одной особенностью, свойственной только имъ одиѣмъ. Какъ бѣшенство составляетъ

болѣзнь исключительно собачьей породы, такъ ужасная болѣзнь чума составляетъ исключительную принадлежность крысъ. Доказано, что во время чумныхъ эпидемій первыми заболѣваютъ чумой крысы и потомъ уже отъ нихъ заболѣваютъ и люди. И что всего удивительнѣе, такъ это то, что заразу эту съ крысъ переносятъ на людей блохи. Оказывается, что у крысъ и у людей—одинаковыя блохи. Блоха кусаетъ зачумленную крысу, переходитъ затѣмъ на человѣка, кусаетъ его и заражаетъ ему кровь. Человѣкъ и крыса погибаютъ, но блоха остается живой. Выше было сказано, что въ восемнадцатомъ столѣтіи крысы несмѣтными полчищами, испугавшись въ Персіи землетрясенія, переплыли у Астрахани черезъ Волгу и вторглись въ Россію. Тогда-же началась у насъ и чума, отъ которой погибло въ царствованіе императрицы Екатерины II множество людей.

С. Вершининъ.

Э Л Ъ Ф Ы.

Въ синевѣ прозрачно-чистой
Звѣзды свѣтлыя дрожатъ;
Отъ поляны бархатистой
Льетса сладкій ароматъ.
Подъ луной цвѣты раскрылись
И гурьбою, впопыхахъ,
Поскакали, покатались
Эльфы въ пестрыхъ колпачкахъ.

Какъ роса, блестятъ ихъ взоры
Переливомъ огоньковъ.
Ихъ воздушные уборы
Сплетены изъ лепестковъ.
Вѣютъ зыбкими крылами,
Осребренные луной,
И надъ спящими цвѣтами
Вьются въ пляскѣ круговой.

М. Пожарова.

ПРЯХА.

(Бретонская легенда).

На прялкѣ у тетушки Жанны вертѣлось колесо и наполняло убогую комнату своимъ монотоннымъ жужжаньемъ. Собака спала, положивъ морду на лапы, и двѣ дѣвушки тихонько разговаривали между собой, разматывая шерсть.

— Тетушка Жанна, расскажи намъ сказку!

— Сказку, дѣвушки? Нѣтъ, зачѣмъ-же... Лучше былъ изъ тѣхъ стародавнихъ временъ, когда происходили на свѣтѣ чудеса. Моя бабушка слышала ее отъ своей прабабки, которая была такъ стара, такъ стара, что позабыла даже, сколько ей и лѣтъ. Но зато все остальное она помнила отлично. По-

мнила она и Аннику-пряху, молоденькую дѣвушку, какъ и вы, только та была такая добрая, да хорошая, что лучше ее не было во всей Бретани.

Эта Анника была самая искусная и самая ловкая изъ всѣхъ своихъ подругъ. Но зато она была и порядочно бѣдна. Крыша на ея избушѣ грозила развалиться при первомъ-же зимнемъ вѣтрѣ, въ щели такъ и дуло и бѣдной пряхѣ очень часто приходилось дрожать у своего очага, въ которомъ горѣли только

жалкіе прутики, которые удавалось малымъ ребятамъ собрать въ бретонскомъ лѣсу. И съ утра и до вечера она сидѣла за пряжей и черезъ ея бѣлые пальчики проходили нитки еще бѣлѣе и такія-же тонкія, какъ и свѣтлые волосы, которые спускались ей на лобъ. И нитки эти были такъ ровны, такъ хорошо скручены, что у всѣхъ богатыхъ барынь, которыя готовили своимъ дочерямъ приданое, даже слюнки текли.

— Иди, повеселись, говорили ей иногда подруги,—потанцуй! Пора и отдохнуть!

Но Анника только качала головой и указывала на свою старуху бабушку, безъ движенія лежавшую въ параличѣ.

— А кто поглядитъ за ней, отвѣчала она съ глубокимъ вздохомъ,—если я уйду? Кто позаботится объ этихъ маленькихъ? Нѣтъ, милыя мои, это не для меня!

И она опять глубоко вздыхала, потому что во всѣ времена танцы и веселье были пріятны для дѣвушекъ шестнадцати лѣтъ. И изъ всѣхъ дѣвушекъ—своихъ сверстницъ—Аника была самая красивая; только бѣдняжка не досыпала и ея черты лица носили на себѣ признаки утомленія и отъ усиленной работы она была очень блѣдна; это была бѣлая лилія, расцвѣтшая въ тѣни и неизвѣстности, на которую смотрѣли только одни ангелы съ неба. И несмотря на ея тяжкій трудъ, нищета постоянно стучалась въ двери ея хижины

и въ ея старенькомъ дубовомъ шкафчикѣ никогда не было въ запасѣ хлѣба. И стоило-бы только бѣдной дѣвушкѣ заболѣть,—и ея бабушка и братишки и сестры поумирали-бы съ голоду.

Какъ-то разъ осенью она сидѣла у себя на порогѣ и пряла. Было еще тепло и ясно. Какъ вдругъ она уви-

Она увидала дряхлаго старика.

дѣла дряхлаго старика, сгорбившагося отъ лѣтъ, который шелъ по большой дорогѣ. Длинная сѣдая борода спускалась ему на грудь и лицо было бодрое. Онъ опирался на большую толстую орѣховую палку и всѣ члены его дрожали. Ноги едва шли въ изношенныхъ башмакахъ. Одежда вся была въ заплаткахъ и очевидно съ чужого плеча. Онъ остановился передъ Анникой.

— Да благословить тебя Богъ, дочь моя, за твою доброту! — обратился онъ къ ней. — Подай мнѣ милостыню!

Анника никогда не отказывала тѣмъ, кто просилъ у нея помощи. Она поднялась со своей скамейки.

— Присядьте, дѣдушка, здѣсь, сказала она. — Отдохните немножко. А я тѣмъ временемъ принесу вамъ свѣжей воды и корочку чернаго хлѣбца, если у насъ онъ найдется.

Она помогла старику сѣсть, а затѣмъ вошла къ себѣ въ избушку, гдѣ спала ея бабушка. Но когда она вернулась обратно, то увидѣла, что нищій уже валялся прямо на землѣ, весь блѣдный, такой блѣдный, что она испугалась и подумала, что онъ умеръ.

Ужасъ наполнилъ ея душу.

— Дѣдушка! воскликнула она. — Что съ вами?

— Я не могу идти далѣе, застоялъ старикъ. — Мои ноги не вынесутъ такого длиннаго пути, а между тѣмъ нужно, нужно, чтобы я шелъ...

— Мнѣ жаль васъ, возразила Анника, — отдохните лучше здѣсь. Скоро наступитъ вечеръ, — куда вамъ идти? Не можетъ-ли вмѣсто васъ сбѣгать кто-нибудь изъ нашихъ дѣтей?

— Нѣтъ, отвѣтилъ старикъ. — Я долженъ идти самъ...

Онъ попробоваль-было подняться, но тотчасъ-же снова повалился на росистую траву.

— Нѣтъ, не могу... сказалъ онъ.

И двѣ крупныя слезы потекли у него по щекамъ.

Сердце Анники разрывалось на части.

— Куда-же вы идете? спросила она.

— Я иду въ деревню Орей, сказалъ старикъ и слезы потекли у него по щекамъ. — Тамъ сейчасъ умираетъ моя дочь и муки раскаянія могутъ ускорить ея смерть. Когда-то она выгнала меня изъ дому и вотъ теперь раскаялась въ своемъ грѣхѣ и проситъ моего благословенія. Безъ него она не можетъ предстать передъ престоломъ Всевышняго. Она умоляетъ меня о прощеніи и вотъ я несу его ей. Ты видишь, милая дѣвушка, что мнѣ нужно идти во что-бы то ни стало.

Анника не отвѣтила ничего. Она поглядѣла на свою параличную бабушку, недвижимо лежавшую на кровати, и на маленькихъ дѣтей, ковырявшихся въ травѣ, и на свою пряжу, которая теперь стояла безъ движенія.

«Если я не буду работать», подумала она, — «то они останутся безъ хлѣба»...

А потомъ она еще разъ поглядѣла на старика. На его лицѣ были написаны такія страданія, что слезы выступили у нея на глазахъ.

— Ну, что теперь дѣлать? задала она себѣ вопросъ. — Какъ поступить?

И вдругъ ей вспомнились слова изъ Евангелія:

«Все, что дѣлаете одному изъ малыхъ сихъ, Мнѣ дѣлаете»...

Она быстро приняла рѣшеніе. Она нагнулась къ старику и сказала:—

— Останьтесь, дѣдушка, здѣсь и отдохните; а я пойду вмѣсто васъ въ Орей; укажите только мнѣ домъ, въ который я должна войти, и я передамъ вашей дочери ваши слова, какія вы со мной пошлете.

Лицо странника просіяло.

— Милая дѣвушка! воскликнулъ онъ.— Да благословить тебя Богъ!

Долго она шла и наконецъ дошла до домика, заросшаго розами.

Домъ, о которомъ ты спрашиваешь меня,—самый первый въ деревнѣ, направо, весь въ розахъ, обвившихъ его почти сплошь. Передай той, которая теперь въ немъ умираетъ, что ея отецъ прощаетъ ее и благословляетъ!

Анника побѣжала къ подругѣ.

— Маша, обратилась она къ ней,— перенеси пожалуйста свою прялку къ намъ и погляди за моей бабушкой

и за дѣтьми. Я скоро вернусь. Ты этимъ окажешь мнѣ большую услугу!

И, оставивъ старика лежать у хижины, она отправилась въ путь. Старику все время крестился, а ея душа была полна безпокойства.

Долго она шла и наконецъ дошла до домика, сплошь заросшаго вьющимися розами, гдѣ умиравшая женщина считала минуты, чтобы получить отъ отца прощеніе въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ. Анника вошла въ него. И исполнивъ то, что было необходимо, она отправилась домой.

Она спѣшила, потому что наступила уже ночь, и съ ужасомъ вспоминала, что старикъ теперь, быть можетъ, хочетъ ѣсть или пить, а дѣти ходятъ вокругъ дома и плачутъ отъ голода. Что теперь она дастъ имъ ѣсть? Гдѣ она возьметъ хлѣба или денегъ?

Когда она возвратилась, ея бабушка спала, какъ и большую часть своего времени. Было поздно, очень поздно! Старику куда-то исчезъ; сосѣдка уложила дѣтей и они спали, какъ ангелы. Засвѣтила полная луна. Ея блѣдные лучи проникали въ хижину и въ ней было свѣтло, какъ днемъ.

Анника очень утомилась, но тихая радость наполнила ея душу.

— Слава Богу, сказала она, — свѣтло: теперь я могу работать всю ночь и постараюсь наверстать потерянное время. Авось, заработаю на хлѣбъ!

И она сѣла у окошка. Прялка снова завертѣлась и заплѣла свою монотонную пѣсню. Но эта пѣсня не будила никого. Всѣ къ ней привыкли. Отъ радости и сама Анника стала тихонько напѣвать.

И вотъ,—о, чудо! между ея пальцевъ засвѣтилась вдругъ какая-то странная нить, которая потянулась съ кудели отъ гребня и заблистала, какъ солнечный лучъ. Пряха не вѣрила своимъ глазамъ.

— Что за странность! подумала она.

И она приглядѣлась къ своей пряжѣ.

— Она изъ чистаго золота! воскликнула она въ восхищеніи.

Да, это было золото, чистое золото, которое сверкало при лучахъ луны, золото, которое обѣщало ей теперь безбѣдное будущее и обезпеченный кусокъ хлѣба навсегда.

— Это Богъ послалъ мнѣ это счастье! воскликнула Анника и снова принялась за работу.

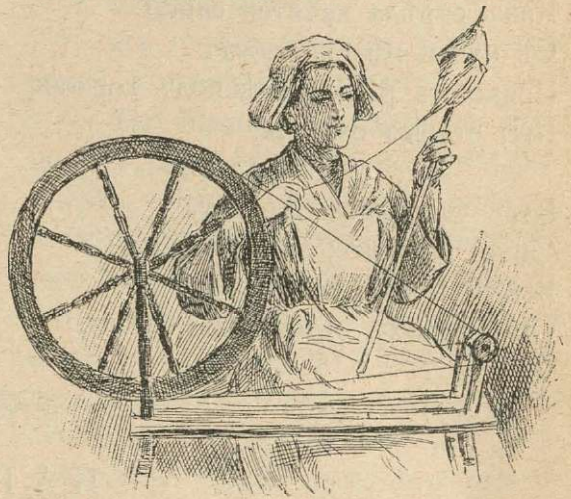
Полная радости, она быстро завертѣла колесомъ.

Всю ночь напролетъ волшебная нить тянулась у нея между пальцевъ и всю ночь передъ глазами у Анники проходили счастливая, хоть подъ конецъ своей жизни, бабушка и братья и сестры, которымъ уже не придется больше терпѣть нужды. И безпредѣльная благодарность наполнила душу молодой дѣвушки и въ избытокъ чувствъ она только могла повторять: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ». А на утро, усталая, она закрыла глаза и стала дремать.

— Я еще попряду и завтра вечеромъ, — подумала она и заснула крѣпко.

Но вечеромъ золотая нить уже болѣе не появлялась. И если бы не катушки золотыхъ нитокъ, которыя доказывали, что все это дѣйствительно случилось на самомъ дѣлѣ, то Анника могла бы думать, что видѣла сонъ. Но это было на яву.

И она стала богатой.

Всю ночь напролетъ волшебная нить тянулась у нея между пальцевъ.

«Кто же былъ этотъ странникъ?» думала она потомъ всю свою жизнь и никакъ не могла рѣшить этого вопроса.

Забѣгала она и въ ту хижину, сплошь заросшую розами, въ которую она приходила когда-то къ умиравшей больной. Но тамъ встрѣтили ее совсѣмъ другіе люди, которые совершенно ничего не знали объ этой больной и очень удивились ея разсказу.

— У насъ никто не умиралъ уже двадцатый годъ,—отвѣтили они ей,— и ты вѣрно ошиблась...

Но Аннка вовсе не ошиблась.

Она твердо знала, что была именно здѣсь, и еще болѣе убѣдилась въ томъ, что съ нею случилось чудо.

Съ франц. разск. Wanda.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Какъ стрѣла катятся санки
Съ кучей цѣлою ребяты
Прямо къ рѣчкѣ, гдѣ подъ горкой
Ивы старыя стоятъ.

Вотъ ударились объ иву,
Санки на бокъ; какъ дождемъ,
Всѣ засыпаны ребята
Съ мерзлыхъ вѣтокъ серебромъ.

Отряхаются, хохочуть...
Снова санки на горѣ...
Вотъ и вечеръ, — тонетъ небо
Въ красно-палевой зарѣ; —

И попрятались по избамъ
Ребятишки. Тишина.
Гаснетъ зорька,—и темнѣетъ
Снѣговая пелена...

Ив. Бѣлоусовъ.

Б А Р Р И.

(Повѣсть ¹⁾).

У герцога Борегара былъ балъ. Всѣ окна въ его домѣ были освѣщены и кареты одна за другой подъѣзжали къ его крыльцу. Графы и маркизы выходили изъ нихъ и по ярко освѣщенной лѣстницѣ поднимались на верхній этажъ, гдѣ играла музыка, били фонтаны изъ духовъ и тянулись длинные столы, на которыхъ были разставлены красивые фрукты въ вазахъ и конфеты. Гости

веселились и поздравляли герцога и герцогиню Борегаръ съ новорожденнымъ сыномъ. Тутъ же и кормилица въ богато-вышитомъ кокошникѣ носила на рукахъ маленькаго краснощекаго ребеночка, который смотрѣлъ удивленными глазками и смѣялся при видѣ массы огней.

— Ахъ, какой прелестный мальчикъ родился у герцога Борегара!— говорили одни изъ гостей.

¹⁾ Собственность «Золотого Дѣтства».

— Да,—отвѣчали другіе.—И знаете, какъ его имя? Его назвали Жакомъ! Прелестный мальчикъ!

— Посмотрите, какъ онъ весело на всѣхъ глядитъ, этотъ маленькій Жакъ! Ни разу даже и не заплакалъ!

И всѣмъ было пріятно смотрѣть на этого маленькаго, розовенькаго герцога, который былъ теперь единственнымъ наслѣдникомъ своего отца.

Одинъ только маркизь Кламеранъ, двоюродный братъ герцога Борегара, мрачно ходилъ изъ комнаты въ комнату и злобно посматривалъ на ребенка. Теперь надежды его рушились. Вотъ ужъ сколько лѣтъ онъ привыкъ считать себя наслѣдникомъ герцога Борегара,—и вдругъ у герцога неожиданно родился сынъ. И теперь къ маленькому Жаку, въ случаѣ смерти его отца, должны перейти и герцогскій титулъ и всѣ несмѣтныя богатства рода Борегаръ. Это раздражало Кламерана.

— Что же теперь дѣлать?—думалъ онъ и чуть не плакалъ отъ злобы.—Какъ теперь быть?

И чѣмъ дольше онъ ходилъ такъ взадъ и впередъ, тѣмъ болѣе и болѣе имъ овладѣвало раздраженіе и онъ готовъ былъ подскочить къ кормилицѣ, вырвать у нея изъ рукъ ребенка и бросить его на полъ.

— Отчего ты сегодня такой невеселый, маркизь?—не разъ спрашивалъ его герцогъ Борегаръ.

— Такъ, голова болитъ...—отвѣчала Кламеранъ.

— А какъ тебѣ нравится мой сынокъ?

— Прелестный мальчуганъ! Кра-

сивъ, какъ ангелокъ. Я увѣренъ, что изъ него выростетъ превосходный мужчина!

И выждавъ, когда Борегаръ отошелъ отъ него къ гостямъ, Кламеранъ подошелъ къ кормилицѣ и тихо шепнулъ ей на ухо:

— Сюзанна, хочешь быть богатой?

— Кто этого не хочетъ, ваша милость?—отвѣтила кормилица.

— Такъ слушай, Сюзанна, что я тебѣ сейчасъ скажу.

И онъ отвелъ кормилицу къ стонкамъ и сталъ ей говорить:

— Ты знаешь, Сюзанна, до сихъ поръ я былъ единственнымъ наслѣдникомъ герцога Борегара. Всѣ его несмѣтныя богатства и герцогскій титулъ должны были перейти послѣ его смерти ко мнѣ. Теперь родился вотъ этотъ маленькій Жакъ и я долженъ потерять всякую надежду быть богатымъ. А между тѣмъ мнѣ слѣдовало-бы сдѣлать ему хорошій подарокъ... Сегодня у меня денегъ нѣтъ, а завтра будутъ. Я дамъ тебѣ пять тысячъ франковъ, если завтра ты выйдешь съ нимъ гулять на набережную Капуциновъ. Завтра я занятъ и не могу опять придти. Поэтому принеси ты малютку завтра въ указанное мною мѣсто и я сдѣлаю тамъ подарокъ и ему, да и тебѣ принесу пять тысячъ франковъ. Придешь?

Ничего не подозрѣвая, Сюзанна согласилась и отвѣтила:—Приду.

А Кламеранъ отошелъ въ нея и, злобно сверкнувъ глазами, сталъ потирать себѣ отъ удовольствія руки.

— Пусть придетъ...—сказалъ онъ

самъ себѣ.—Когда мы останемся на набережной одни, я отниму у нея ребенка и отдамъ его въ Воспитательный домъ. Скажу, что нашелъ его на улицѣ, что онъ—подкидышъ... И никто не узнаетъ, что это молодой герцогъ Борегаръ, да и самъ онъ, когда выростетъ большой, не будетъ знать, кто онъ такой. И я снова буду наслѣдникомъ герцога Борегаръ..

И, покручивая себѣ усы, онъ сразу повеселѣлъ, сталъ разговорчивымъ и долго еще въ гостиныхъ герцога Борегара раздавался его громкій смѣхъ: онъ шутилъ и смѣялся вмѣстѣ съ гостями, а герцогъ проходилъ мимо него и думалъ:

— Слава Богу, у маркиза Кламерана, моего кузена, прошла головная боль! Это хорошо!

А тѣмъ временемъ, когда у герцога былъ балъ и вся улица была свѣтла отъ ярко-освѣщенныхъ оконъ его дворца, между экипажей, занявшихъ собою все пространство передъ его крыльцомъ, скромно пробиралась худая, блѣдная женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Она была одѣта въ лохмотья и на ногахъ у нея были рваные башмаки. Было холодно, снѣжинки срывались съ неба, но сытые, откормленные кучера весело пересмѣивались между собою и отпускали шутки. Озябшій ребенокъ плакалъ и, видимо, хотѣлъ ѣсть, но женщина ничего не могла ему дать и только крѣпко прижимала къ себѣ.

— Не плачь, Робертъ,—говорила она ему.—Я знаю, что ты хочешь

кушать, но насъ Богъ не оставитъ. Я попрошу сейчасъ милостыню у этихъ добрыхъ людей и они не откажутъ намъ. Ноги едва меня несутъ, я устала, мой дорогой Робертъ, цѣлый день съ утра хожу по всему городу, у всѣхъ прошу, но никто намъ еще не подалъ. Я попрошу сейчасъ у этихъ добрыхъ людей, у этихъ кучеровъ, они подадутъ мнѣ и я куплю тебѣ молочка и ты будешь сытъ... Не плачь.

И она подошла къ кучерамъ.

— Подайте Христа ради...—робко попросила она у нихъ.

Но они подняли ее на смѣхъ и громко засмѣялись.

— Иди, иди своей дорогой! — закричали они на нее. — Много васъ здѣсь шатается! Попрошайки!

Женщина опустила глаза и виновато отошла отъ нихъ на тротуаръ. Проходя мимо крыльца герцога Борегара, она увидела сквозь стеклянную дверь роскошную, ярко-освѣщенную лѣстницу. Мягкіе ковры, въ которыхъ утопали ноги, украшали ея ступени и кругомъ на стѣнахъ висѣли красивыя картины. Одѣтый въ роскошную ливрею лакей понесъ по ней на серебряномъ блюдѣ прелестные фрукты, а сверху спускался другой лакей и несъ на золотомъ подносѣ кофейный приборъ. Дойдя до нижней площадки, на которой передъ каминомъ грѣлась собака, онъ взялъ съ подноса двѣ вкусныя булочки и бросилъ ихъ ей. Она понюхала ихъ, облизала, но не захотѣла ѣсть. Тогда лакей подобралъ съ полу булочки и

бросилъ ихъ въ каминъ, гдѣ онѣ и сгорѣли.

«Должно быть, это добрый чело-вѣкъ», подумала женщина. — «Онъ заботится даже о собакѣ... Попрошу у него»...

И, отворивъ дверь, она вошла въ нее.

— Тебѣ кого?—спросилъ ее лакей.

— Мы голодны...—отвѣтила женщина. — Мы не ѣли со вчерашняго дня. Помогите намъ!

Вмѣсто отвѣта, лакей подошелъ къ маленькой двери и крикнулъ въ нее:

— Швейцаръ, что-же ты не смотришь? Спишь, что-ли? Входятъ какіе-то оборванцы, а ты и не видишь! Вотъ погоди, я доложу о тебѣ его свѣтлости!

Швейцаръ выскочилъ изъ своей каморки и, взявъ женщину за рукавъ, вывелъ ее на улицу.

— Уходи-же скорѣе!—заворчалъ онъ на нее. — А не то, я отправлю тебя съ городовымъ въ участокъ!

Женщина вышла и, пошатываясь, побрела дальше.

Совсѣмъ уже стемнѣло. Затушили въ домахъ огни, всѣ улеглись спать, а она все ходила и ходила, потому что ей негдѣ было преклонить голову. У нея не было дома. Маленькій Робертъ, уставъ плакать, заснулъ у нея на груди и снѣгъ падалъ ему на щеки и таялъ на нихъ. На улицѣ было пусто и только иногда въ темнотѣ обрисовывалась темная фигура городского. Когда мимо него проходила женщина, онъ окликалъ ее:

— Кто идетъ?

— Это я, Жанна Сюзоръ... — отвѣчала женщина.

— А это что у тебя за узелокъ на рукахъ? Должно быть краденое? Ты воровка?

— Нѣтъ, это мой сынъ Робертъ...

Городовой подходилъ къ ней, смотрѣлъ на ребенка и, убѣдившись, что это не узелъ, говорилъ ей:

— Ну, иди, иди!.. Поздно возвращаешься изъ гостей домой. Надо-бы пораньше! Любишь засиживаться въ гостяхъ до поздней ночи.

Такъ Жанна и проходила всю ночь по городу до самаго утра, не имѣя пристанища. А на утро она дошла до бульвара на набережной Капуциновъ, опустила тихо на лавочку и лишилась чувствъ... Мимо нея проходили люди, стремились взадъ и впередъ прохожіе, но каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ и своими мыслями и никто не обратилъ на нее вниманія. Всѣ думали, что она спитъ.

А тѣмъ временемъ изъ богатаго дворца герцога Борегара лакеи въ расшитыхъ ливреяхъ бережно выносили раззолоченную колясочку. Вслѣдъ за ними вышла кормилица Сюзанна съ маленькимъ Жакомъ на рукахъ. Ребеночекъ смотрѣлъ на все довѣрчивыми глазами и весело улыбался. Она положила его въ колясочку и, поправивъ лебяжій пухъ на его капорѣ и покрывъ его личико голубой вуалью, повезла его гулять. Сбоку нихъ бѣжала та собака, которая облизала вчера двѣ булочки передъ ка-

миномъ. У открытаго окна стояли герцогъ и герцогиня Борегаръ и смотрѣли имъ вслѣдъ.

— Вы-же далеко не уходите, Сюзанна! — крикнула кормилицѣ герцогиня.

— Не безпокойтесь, ваша свѣтлость, — отвѣтила ей Сюзанна. — Мы только до набережной Капуциновъ.

И она покатила передъ собой колясочку.

Дойдя до набережной Капуциновъ, Сюзанна сѣла на ту-же самую лавочку, на которой сидѣла въ забытьѣ и Жанна Сюзоръ. Бѣдная женщина все еще не приходила въ себя, а ея Робертъ, закрывъ глазки и весь горя, какъ въ огнѣ, едва слышно стоналъ.

«Должно быть, это пьяная», подумала про нее Сюзанна и, взявшись за колясочку, пересѣла на другой диванчикъ.

Маленькій Жакъ сталъ задрѣмывать.

— Не спи, Жакъ, — обратилась къ нему кормилица. — Сейчасъ придетъ дядя Кламеранъ и принесетъ тебѣ подарокъ. Онъ не успѣлъ купить его вчера и принесетъ тебѣ его сегодня. Вѣроятно, подарокъ будетъ превосходный, потому что твой дядя богатъ и обѣщалъ и мнѣ пять тысячъ... Когда онъ мнѣ ихъ дастъ, я отошлю ихъ своей матери и она купитъ на нихъ себѣ домъ. И будемъ мы обѣ жить въ немъ, когда состарѣмся и не сможемъ больше работать.

И пока она такъ мечтала, изъ-за угла сосѣдняго дома показались вдругъ

двѣ темныя фигуры въ нахлобученныхъ шляпахъ и плащахъ. Они о чемъ-то между собою горячо говорили и размахивали руками. Въ одной изъ нихъ можно было узнать передѣтаго маркиза Кламерана, а въ другой — наемнаго вора Петруччіо, котораго уже давно розыскивала полиція.

— Гдѣ? гдѣ? — спрашивалъ Петруччіо.

— Вотъ она, сидитъ на лавочкѣ, на бульварѣ, — указывалъ на Сюзанну маркизъ Кламеранъ. — Передъ ней еще колясочка. Видишь, ребенокъ въ голубой вуали?

— Вижу, вижу! Такъ что съ нимъ дѣлать?

— Ты подбѣги сейчасъ къ колясочкѣ, схвати изъ нея ребенка и изо всѣхъ силъ бѣги къ Воспитательному дому и кинь его туда въ дрейладу. Не забудь дернуть въ звонокъ, чтобы дрейлада повернулась и услышала сторожъ.

— А потомъ?

— А потомъ бѣги ко мнѣ и расскажи все, какъ было дѣло.

— А деньги за эту работу?

— Когда исполнишь ее, тогда и получишь. Ну, живо! По дорогѣ не забудь сбросить съ ребенка его одежду и доставь его въ Воспитательный домъ голымъ, а то по платью тамъ узнаютъ, чей онъ.

— Слушаю!

И, простившись съ Кламераномъ, Петруччіо со всѣхъ ногъ бросился на бульваръ къ колясочкѣ и, преж-

де чѣмъ Сюзанна могла опомниться, выхватилъ изъ нея маленькаго Жака и помчался съ нимъ къ Воспитательному дому. По дорогѣ онъ быстро содралъ съ него платице и простыньки и бросилъ прямо на мостовую, сорвалъ съ шеи золотой крестикъ съ бриллиантикомъ и второпяхъ бросилъ его въ канаву. Поднялась суматоха. Сюзанна упала въ обморокъ и никто не могъ добиться отъ нея ни единого слова. Видѣли, что впереди кто-то бѣжалъ и бросалъ по дорогѣ бѣлье ребенка, поняли, что это былъ воръ и погнались за нимъ, но Петруччіо свернулъ въ переулокъ, потомъ въ другой, пробѣжалъ черезъ два проходные двора и благополучно добрался до Воспитательнаго дома, который находился въ другомъ концѣ города.

Воспитательный домъ былъ окруженъ высокою каменною стѣною. Въ одномъ мѣстѣ въ стѣнѣ было сдѣлано отверстіе и въ него была вставлена большая бочка, стоймя, которая вертѣлась сама вокругъ себя. Это и была дрейлада.

Петруччіо подбѣжалъ ней и дернулъ въ находившійся сбоку дрейлады звонокъ.

— Кто тамъ? послышался по ту сторону голосъ сторожа.

— Ребенка принесла! пропищаль Петруччіо женскимъ голосомъ, чтобы его не узнали.

Дрейлада повернулась отверстіемъ на улицу, Петруччіо кинулъ въ нее несчастнаго Жака, она повернулась

отверстіемъ опять внутрь Воспитательнаго дома и маленькій герцогъ пропалъ въ его нѣдрахъ навсегда.

Теперь ужъ онъ никогда не узнаетъ, что онъ герцогъ, и никогда уже не увидитъ своихъ матери и отца.

— А ребенокъ-то въ крови... проговорилъ сторожъ, вынимая изъ дрейлады Жака.—Что-бы это значило?.. Съ нами сила Господня!

На затылкѣ у Жака зіяла глубокая рана и изъ нея струями лилась кровь. Когда Петруччіо срывалъ съ него крестъ, то онъ дернулъ его съ такою силой, что золотая цѣпочка глубоко врѣзалась въ шейку ребенку.

Сторожъ снесъ Жака въ лазаретъ. Тамъ ему стянули края раны пластыремъ, наложили повязку и передали нянькамъ. А бухгалтеръ Воспитательнаго дома развернулъ свою толстую книгу и записалъ въ нее такъ: «13 ноября. Подкинутъ мальчикъ со шрамомъ на затылкѣ. Внесенъ въ книгу за номеромъ 1640-мъ».

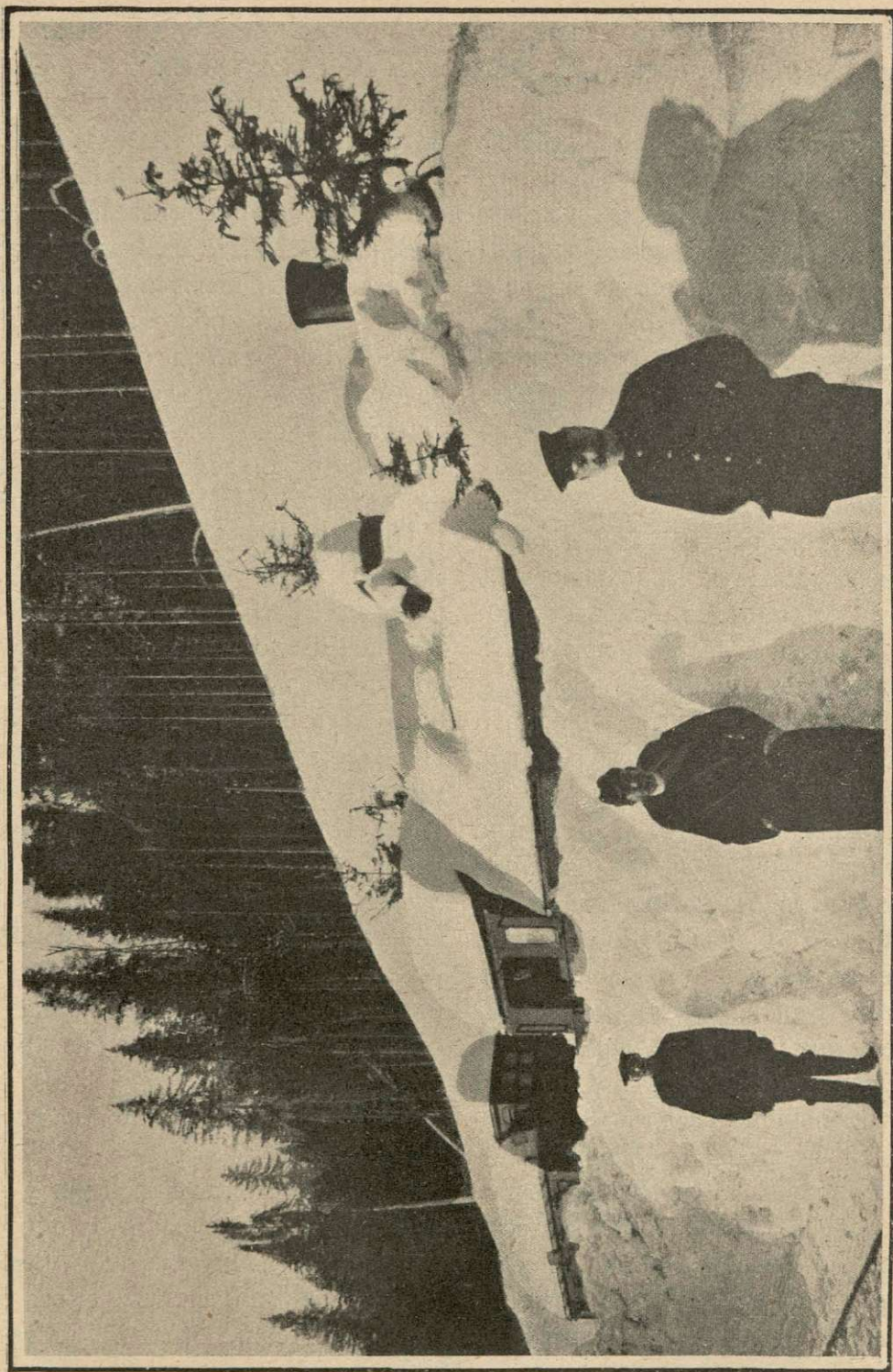
Трудно описать горе родителей, когда они узнали, что ихъ ребенокъ украденъ. Герцогъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и слезы градомъ покатились у него по щекамъ, а герцогиня упала въ обморокъ и долго не приходила въ себя. А когда они немного успокоились, то подняли тревогу. Вся полиція была поставлена на ноги, начались поиски, всѣ сыщики и городовые выбились изъ силъ; но сколько они ни искали, маленькій Жакъ такъ и исчезъ для всѣхъ

Что-то вкусное!

Делка въ сибѣрскихъ заносахъ.

безслѣдно: никому и въ голову не приходило, что онъ попалъ въ Воспитательный домъ.

Когда Петруччо укралъ ребенка и поднялась на набережной Капуциновъ суматоха, Жанна Сюзоръ пришла въ себя и медленно открыла глаза. Въ ухахъ у нея звенѣло и въ вискахъ стучало и она слышала, какъ жаръ изъ носа обжигалъ ей верхнюю губу. По всему тѣлу стояла ломота, Жанна не могла пошевелиться и теперь для нея было ясно, что голодъ и холодъ сдѣлали свое дѣло и что она простудилась и должна теперь заболѣть. Прижавшись къ ея груди, стоналъ ея маленькій Робертъ и этотъ его стонъ пробудилъ ее къ дѣйствительности. Вокругъ нея суетились, кричали, говорили, что кто-то у кого-то укралъ ребенка, но она была безучастна къ тому, что происходило кругомъ, и только одна мысль наполняла все ея существо и одинъ страхъ овладѣвалъ ея душой, это объ ея сынѣ Робертѣ. Что будетъ съ нимъ, если она не дастъ ему ѣсть? Какова будетъ его судьба? Неужели онъ долженъ умереть тутъ же, у нея на груди, отъ голода, въ такомъ большомъ городѣ, гдѣ столько людей и столько большихъ домовъ? Нѣтъ, она не допуститъ этого, она не дастъ своему сыну умереть голодной смертью и, что-бы ни случилось съ ней-самой, она спасетъ маленькаго Роберта. Но какъ его спасти? Она уже обращалась къ людямъ и всѣ ей отказали.

И вдругъ счастливая мысль осѣнила ей голову. Она даже улыбнулась и слезы радости засвѣтились на ея угасавшихъ глазахъ. Ея Робертъ останется живъ. Она снесетъ его сейчасъ въ Воспитательный домъ, положитъ его въ дрейладу и черезъ какихъ-нибудь полчаса ему уже тамъ дадутъ молока, обогрѣютъ его и маленький Робертъ будетъ сытъ и уже не будетъ необходимости по цѣлымъ днямъ ему находиться на улицѣ подъ снѣгомъ и дождемъ. Какъ это раньше она не додумалась до этого?

Но вмѣстѣ съ этой мыслью и другая наполнила ея душу. Если она отнесетъ своего Роберта въ Воспитательный домъ, то она уже никогда больше не увидитъ его и онъ не будетъ знать, что она его мать. И она стала горько плакать и покрывать личико Роберта поцѣлуями.

— Нѣтъ... рѣшилась она наконецъ.—Я должна спасти его! Пусть лучше онъ никогда не узнаетъ своей матери, но только останется живъ!

И, собравши послѣднія силы, она поднялась съ диванчика и, качаясь отъ слабости, поплелась къ Воспитательному дому.

— Ты будешь сытъ, мой малютка... шептала она дорогой.—А если Богу угодно спасти и меня, если у меня будетъ хоть маленькій заработокъ, чтобы я могла купить тебѣ молочка, то я приду въ Воспитательный домъ и возьму тебя обратно. Только-бы вотъ послѣ узнать тебя. Вѣдь маленькія дѣти такъ мѣняются съ каж-

дымъ днемъ! Но я тебя узнаю! У тебя есть примѣтка, по которой тебя легко узнать. Когда ты былъ трехъ недѣль, ты упалъ съ кровати и разсѣкъ себѣ о жестянку затылокъ. Я помню, было столько крови! Теперь у тебя на затылкѣ шрамъ и я узнаю тебя по этому шраму. Будь-же счастливъ и прости свою мать!

И она уже хотѣла перейти на другую сторону улицы къ дрейладѣ Воспитательнаго дома, какъ что-то блестящее обратило на себя ея вниманіе. Она нагнулась и подняла съ дороги золотой крестъ съ цѣпочкой. Это былъ тотъ самый крестикъ, который Петруччіо сорвалъ съ Жака и бросилъ въ канаву.

Жанна подняла его, надѣла его на своего Роберта и, дернувъ за звонокъ, опустила своего сына въ дрейладу.

«Теперь тамъ будутъ знать, что онъ крещенъ»... прошептала она и, отойдя нѣсколько шаговъ отъ дрейлады, безъ чувствъ повалилась на мостовую.

Шель мимо господинъ въ черномъ

костюмѣ. Это былъ докторъ, возвращавшійся отъ больного. Онъ нагнулся надъ Жанной, пощупалъ ей пульсъ, понялъ, въ чемъ дѣло и, кликнувъ извозчика, усадилъ ее въ экипажъ и повезъ въ больницу. Тамъ ее отогрѣли, дали ей поѣсть и уложили въ постель. А затѣмъ у нея начались жаръ и ознобъ и она снова лишилась сознанія. Она заболѣла горячкой.

Принявши ея ребенка, сторожъ Воспитательнаго дома осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и, увидѣвъ на немъ крестикъ, добродушно проворчалъ:

— Ишь-ты!.. Крестикъ... Да еще золотой! Должно быть изъ знатнаго сословія... Эхъ-хе-хе-хе!

И, широко раскрывъ ротъ, онъ зѣвнулъ, не закрывши его рукой.

Бухгалтеръ-же развернулъ опять свою толстую книгу и записалъ Роберта такъ:—«13-го ноября. Подкинутъ мальчикъ съ золотымъ крестомъ на шеѣ и тоже со шрамомъ на затылкѣ. Записанъ подъ № 1641».

(Продолженіе будетъ).

МАРУСЯ.

Маруся Стрѣльская и прежде считалась первою шалуньей въ классѣ, а теперѣ ея шалостямъ и конца нѣтъ. Классныя дамы отъ нея въ отчаяніи.

— Это не дѣвочка, говорили онѣ, — а мальчишка какой-то, гимназистъ! Кричитъ, бѣгаетъ, громко хохочетъ... Сдѣлаешь ей замѣчаніе, она притихнетъ, а черезъ минуту опять что-нибудь напроказитъ!

Софья Николаевна, Марусина класная дама, только руками разводила.

— Что-же я могу съ ней подѣлать! пожимала она плечами.— Я ужъ ей и замѣчанія писала, и даже къ стѣнкѣ ее поставила одинъ разъ, ничто не помогаетъ!

— Такъ вызовите родителей! Спросите у нихъ, чѣмъ объяснить эту перемену въ ней! посоветовала одна изъ учительницъ.

— Только и остается! согласилась Софья Николаевна.— Попробую впрочемъ еще съ ней потолковать. Можетъ быть, и угомонится. Она, вѣдь, очень добрая дѣвочка!

А виновница этихъ разговоровъ, хорошенькая 13-ти лѣтняя Маруся Стрѣльская играла въ это время съ ученицами младшихъ классовъ въ пятнашки и съ хохотомъ и крикомъ носилась по всему залу.

— Маруся! Да перестань-же ты, пожалуйста! Какъ тебѣ не совѣстно съ малышами возиться! Ты бы лучше съ большими играла!

Но Маруся, вся розовая отъ бѣготни и тяжело дыша, остановилась на минуту, чтобы выслушать эту фразу, и снова со смѣхомъ погналась за какой-то маленькой.

Прозвонилъ звонокъ. Перемена кончилась. Всѣ разошлись по классамъ.

— Стрѣльская! Что же вы въ классѣ не идете? окликнула Марусю одна изъ учительницъ, идя на урокъ.

— Я, Вѣра Павловна, за носовымъ платкомъ ходила. Я его въ залѣ на окнѣ оставила! съ реверансомъ отвѣтила Маруся и затѣмъ, бросившись учительницѣ на шею, нѣжно поцѣловала ее въ щеку.

— Дуся, ангельчикъ! сказала она и побѣжала въ классъ.

Вѣра Павловна покачала головой, погрозила ей пальцемъ и вошла въ шестой классъ. А Маруся стремительно ворвалась къ себѣ въ классъ и закричала:

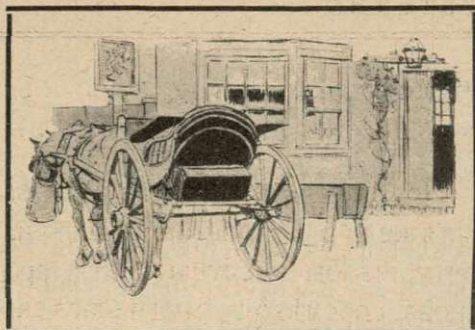
— Ахъ, какая прелесть эта Вѣра Павловна! Такъ бы ее и расцѣловала!

— Стрѣльская! Что за манеры! строго остановила ее Софья Николаевна.— Уймись-же наконецъ!

Вслѣдъ за Марусей вошелъ законоучитель. Стрѣльская успѣла еще до его прихода забраться на послѣднюю скамейку и погрузилась въ чтеніе посторонней книжки.

— Смотри, попадешься! Батюшка замѣтитъ!— шептали ей подруги.

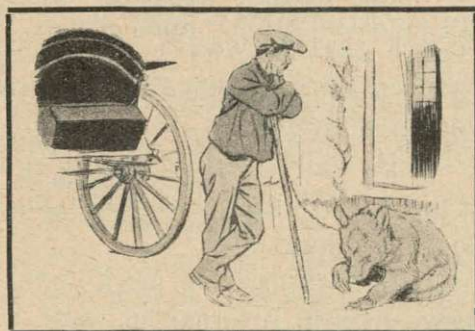

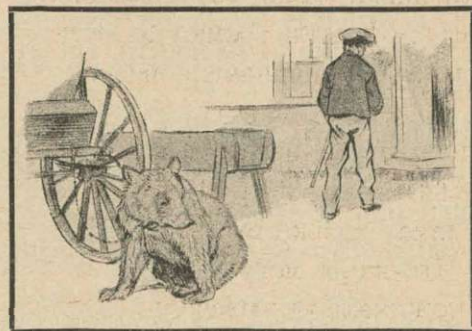
1. Карль Иванычъ ѣхалъ домой, да заѣхалъ по дорогѣ въ трактиръ.

2. Въ это время мимо трактира шли два цыгана и вели медвѣдя.

3. — Стой, сказали одинъ изъ нихъ. — Ты побереги здѣсь медвѣдя, — а я зайду въ трактиръ промочить горло.

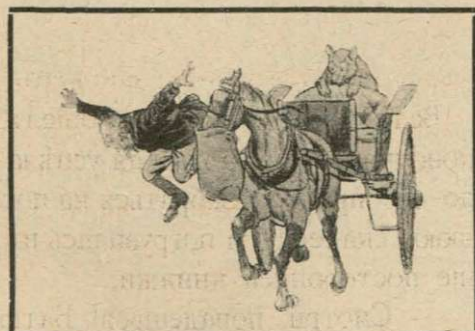
4. Другому цыгану стало завидно. Онъ привязалъ медвѣдя къ шарабану Карла Иваныча и тоже пошелъ въ трактиръ.

5. Тѣмъ временемъ Карль Иванычъ вышелъ изъ трактира, сѣлъ въ шарабанъ и поѣхалъ домой.

6. А медвѣдь видѣлъ, что его тянуть за шею и вскочилъ на запятки.

7. — Ватюшки! Карауль! закричалъ Карль Иванычъ. — Спасайся, кто можетъ! И выскочилъ изъ шарабана.

8. — Ну Амалия, наслу я къ тебѣ живымъ добрался! сказалъ Карль Иванычъ своей женѣ. — А гдѣ же лошадь и шарабанъ? спросила она. — Поминай, какъ звали! Теперь ужъ на немъ катается медвѣдь!

— Ничего, отвѣтила имъ Маруся. Авось не замѣтитъ! Сегодня батюшка будетъ цѣлый урокъ спрашивать, а меня онъ уже вызывалъ два раза!

И дѣйствительно, ни батюшка, ни Софья Николаевна не замѣтили Марусиной продѣлки, и она спокойно прочитала весь урокъ. Очнулась она только тогда, когда батюшка ушелъ уже изъ класса.

— Юліанчикъ, милый! О чемъ ты плачешь? съ тревогой въ голосѣ спросила она одну изъ своихъ подругъ, увидя, что та заливается слезами.

— Мнѣ ба-тюш-ка ше-стер-ку по-ставилъ!.. съ трудомъ выговорила та, захлебываясь отъ рыданій.

Маруся знала, что папа Юли Бахваловой былъ строгій и что не проститъ своей дочери плохого балла по закону Божию. И ей стало жаль ее.

— Охъ, попадетъ бѣдному Юліану! воскликнула она и вдругъ, круто повернувшись, стремительно бросилась вонъ изъ класса.

— Стрѣльская! Куда вы!—окрикнула ее Софья Николаевна. Вернитесь сію-же минуту!

Но Маруся сдѣлала видъ, что не слышитъ, и помчалась внизъ по лѣстницѣ.

— Нельзя внизъ! Идите назадъ!—окрикнула ее другая классная дама, дежурившая на лѣстницѣ.

Но Маруся не обратила вниманія и на ея слова и помчалась дальше. На поворотѣ она налетѣла на учи-

теля исторіи, чуть не сшибла его съ ногъ и какъ бомба вылетѣла въ раздѣвальню для учителей.

— Ну и вѣкъ теперь насталъ!—заворчалъ старикъ-историкъ, поглядывая ей вслѣдъ.—Даже спасибо не успѣешь сказать.

Влетѣвъ въ раздѣвальню Маруся, съ радостью увидѣла, что батюшка еще не ушелъ. Онъ стоялъ уже въ шубѣ и давалъ швейцару какое-то порученіе.

— Батюшка!—подскочила къ нему Маруся.—Я къ вамъ съ большой, большой просьбой.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? Пожаръ что-ли гдѣ-нибудь, или потолокъ въ вашемъ классѣ обрушился? съ улыбкою спросилъ ее батюшка, смотря на ея взволнованное лицо.

— Батюшка! Милый, хорошій! Пожалуйста, зачеркните Бахваловой шестерку!.. Она такъ плачетъ!.. Ей дома очень попадетъ!.. задыхаясь отъ быстрого бѣга, торопливо заговорила Маруся.

— Ну, нѣтъ! Шалите!.. отвѣтилъ батюшка.—Чего же она раньше-то думала?

— Ну, что вамъ стѣитъ!—продолжала Маруся, и слезы ручьями потекли у нея по щекамъ. Она выучить къ слѣдующему разу и отвѣтитъ на двѣнадцать! Увѣрю васъ!

— А вотъ, когда выучить на двѣнадцать, тогда я ей и переправлю шесть!

— Тогда ужъ поздно будетъ, батюшка! Пожалуйста, сейчасъ зачерк-

ните! А то эту шестерку ей сегодня же выставятъ въ дневникъ!

Батюшкѣ стало жалко ее, но дѣлать было нечего.

— Ишь какая заступница выискалась! засмѣялся онъ.—Нѣтъ ужъ, что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ!

И взявшись за свою высокую мѣховую шапку, онъ собрался надѣть ее на голову.

Но Маруся вдругъ выхватила у него шапку изъ рукъ и спрятала ее себѣ за спину.

— А я вамъ шапку не отдамъ, сказала она,—пока не скажете, что можно вычеркнуть Бахваловой шестерку!

И она отступила отъ батюшки шага на два назадъ.

— Батюшка было нахмурился, но взглянувъ на горѣвшее отчаянною рѣшимостью личико Маруси, улыбнулся.

— Нашла чѣмъ напугать! съ легкой и ласковой усмѣшкой сказалъ онъ.—Да я и безъ шапки уйду. Не велика бѣда! На похоронахъ и все безъ шапокъ ходимъ!

И онъ направился къ выходу.

Но Маруся рѣшила добиться своего. Не выпуская изъ рукъ шапку и все еще держа ее за спиной, она пошла за батюшкой.

— Ну, батюшка! Миленькій, добрый, хороший, умоляла она.—Пожалуйста, зачеркните Бахваловой шестерку! Что вамъ стоитъ! Только словечко одно скажите, и она, и я, мы обѣ будемъ счастливыя!

— Дай вамъ только поблажку, такъ вы всѣ станете до слѣдующаго раза урокъ откладывать! шутливо ворчалъ батюшка, спускаясь по лѣстницѣ.

Онъ отворилъ выходныя двери и остановился на тротуарѣ.

Прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли, на его непокрытую голову и на тощенькую фигурку гимназистки, стоявшей въ одномъ платьицѣ въ дверяхъ гимназіи.

— Ну, да ладно!—вдругъ махнулъ рукой батюшка.—Ужъ Богъ съ вами! Такъ ужъ и быть. А то еще простудитесь, тогда возись тутъ съ вами! Давайте-же шапку, да скажите такъ, чтобы Бахваловой зачеркнули шестерку!

— Спасибо, батюшка!—радостно взвизгнула Маруся и стрѣлой помчалась наверхъ, гдѣ ее уже ожидали встревоженные, перепуганные классныя дамы. Неговоря ни слова, Маруся ворвалась въ классъ, лихорадочно открыла журналъ и съ торжествомъ сама поставила огромную кляксу на шестерку, выставленную батюшкой Бахваловой.

Всѣ такъ и ахнули. Этого ужъ никто не могъ ожидать. А двѣ минуты спустя начальница гимназіи уже прочла Марусѣ Стрѣльской передъ всѣмъ классомъ, въ присутствіи инспектора, классной дамы и учителя исторіи, строгій выговоръ за ея непристойное поведеніе.

— Это ни на что не похоже!—говорила начальница.—Такъ барышня-

Спи, моя куколка!

гимназистка не должна себя вести. Вы не послушались двухъ классныхъ дамъ, побѣжали внизъ безъ спросу, толкнули учителя и даже не извинились передъ нимъ. Мало того, вы вступили въ пререканія съ достоуважаемымъ законоучителемъ, выбѣжали

въ одномъ платьѣ на улицу, залили чернилами классный журналъ, вбѣжали въ классъ, когда тамъ были открыты форточки. Это все непростительныя шалости...

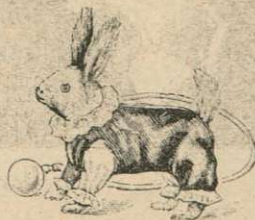
И долго еще говорила начальница.

А Маруся стояла передъ ней, низко опустивъ свою бѣлокурую головку, безпрестанно мѣняясь въ лицѣ и нервно шевеля губами.

Въ аттестациі ей было выставлено десять заведеніе и, кромѣ того, вызывали для переговоровъ ея отца. Съ нимъ начальница долго и внушительно о чемъ-то говорила и кончилось дѣло тѣмъ, что Марусю взяли изъ гимназіи.

— Прощайте, господа!—говорила она на другой день подругамъ и крупныя слезы блестя у нея на глазахъ.— Прощайте, милыя! Не поминайте лихомъ! Больше ужъ мы съ вами не увидимся никогда!..

В. Ө. Смѣльская.

ДВѢ СКАЗОЧКИ.

I.

Король долженъ умереть! Докторъ уже объявилъ его семьѣ, что ничего не можетъ подѣлать. Это былъ могущественный король, всѣ средства были уже испробованы и теперь никакія человѣческія усилія не могли ему помочь.

Оставалась только единственная надежда — это на чудо. И едва только докторъ ушелъ отъ своего больного, какъ къ двумъ его сыновьямъ и дочери пришелъ какой-то неизвѣстный дровосѣкъ съ длинной нечесанной бородой и съ мозолистыми руками.

Онъ сказалъ:

— Я знаю, что въ дремучемъ лѣсу, который окружаетъ со всѣхъ сторонъ ваше королевство и куда еще не проникала ни одна живая душа, находится растение, исцѣляющее отъ всякихъ болѣзней. Оно называется «цвѣтокъ который поетъ». Какъ только спускается ночь и наступаетъ въ лѣсу тишина, этотъ цвѣтокъ

начинаетъ пѣть и всѣ лѣсные духи и феи внимаютъ его пѣсни. И если этотъ цвѣтокъ сорвать и принести къ больному, то онъ тотчасъ-же выздоровѣетъ, чѣмъ-бы онъ ни былъ болѣнъ.

Не бойся, не горячо!

— Откуда ты это знаешь?—спросили его дочь и сыновья короля.

— Я слышалъ это отъ фей, отвѣтилъ дровосѣкъ, —которыя не боятся меня и часто ведутъ со мною разговоры. Да къ тому-же и люди, живущіе по ту сторону лѣса, знаютъ объ этомъ чудесномъ цвѣткѣ и уже не мало ихъ погибло въ поискахъ за нимъ

— Почему-же имъ не удавалось его найти?

— Потому что его охраняютъ великаны и карлики и дѣлаютъ доступъ къ нему невозможнымъ. И они обладаютъ способностью превращать въ камень всѣхъ, кто осмѣлился-бы отправиться въ лѣсъ за цвѣткомъ и обернуть назадъ голову. Да и самое мѣсто, гдѣ растетъ цвѣтокъ, окружено громадными каменными глыбами. И горе безумцамъ, дерзнувшимъ туда проникнуть! Они тотчасъ-же превращаются въ эти глыбы!

Но болѣзнь короля была настолько серьезна, что его сыновья рѣшили во что-бы то ни стало отправиться въ путь, чтобы отыскать этотъ удивительный цвѣтокъ, который пѣлъ. Они повѣрили дровосѣку, потому что и сами раньше уже слышали о цвѣткѣ.

Старшій пожелалъ отправиться первымъ. Дровосѣкъ проводилъ его до самаго входа въ волшебную страну и королевичъ смѣло отправился впередъ. Цѣлыя двадцать минутъ онъ не оборачивалъ головы назадъ, не отвѣчалъ на обиды и задоры раз-

ныхъ духовъ, скрывавшихся въ высокой травѣ или за громадными черными камнями. Но подъ конецъ одинъ изъ духовъ прикинулся его матерью и окликнулъ его ея голосомъ. Королевичъ не стерпѣлъ и обернулъ назадъ голову.

И однимъ чернымъ камнемъ въ лѣсу стало больше. Духи превратили королевича въ камень.

На слѣдующій день отправился въ лѣсъ второй сынъ. Онъ заклеилъ себѣ уши воскомъ, чтобы ничего не слышать, и смѣло зашагалъ впередъ. Но едва только онъ вступилъ въ лѣсъ, какъ лѣшій подкрался къ нему и сдѣлалъ такъ, что королевичъ зацѣпился плащомъ за сучокъ. Чтобы отцѣпить его, королевичъ обернулся назадъ и тотчасъ-же превратился въ камень.

А старому королю становилось все хуже и хуже. Смерть уже стояла у его изголовья и готовилась занести надъ нимъ свою косу. И дочь короля, которая сильно любила своего отца, плакала и ничто не могло ее утѣшить. И она рѣшила сама отправиться за волшебнымъ цвѣткомъ, чтобы излечить своего отца.

И она пошла въ лѣсъ. Слезы струились у нея по щекамъ, она была печальна и такъ сильно думала объ отцѣ, что и не слышала, какъ задирали ее лѣсные духи. И что ни дѣлалъ лѣшій, чтобы отвлечь ея вниманіе и заставить ее обернуться назадъ, она думала только о томъ, какъ-бы помочь скорѣе отцу и всѣ

попытка лѣшаго остались безъ успѣха. Онъ окликалъ ее голосами близкихъ ей людей, но она не слышала ихъ. Онъ зацѣплялъ ея платье за сучки и пеньки, но она шла впередъ, разрывая самое платье, онъ толкалъ ее сзади, но падая на землю, она снова отправлялась въ путь и только и думала, что о больномъ отцѣ.

Наконецъ она дошла до того мѣста, гдѣ былъ входъ въ волшебную страну. Два тигра стояли у входа и стерегли, чтобы кто-нибудь туда не вошелъ. Она знала, что ей не осилить тигровъ и потому подошла къ ужаснымъ животнымъ и со слезами въ голосѣ сказала имъ:—

— Мой отецъ при смерти и я хочу, чтобы онъ остался живъ. Выслушайте меня, умоляю васъ! Если ему показать цвѣтокъ, который поетъ, то смерть испугается этого цвѣтка и мой отецъ выздоровѣетъ тотчасъ-же. И если мнѣ суждено погибнуть, если вы должны меня съѣсть, то, умоляю васъ, дайте мнѣ этотъ цвѣтокъ, я снесу его къ отцу и завтра-же приду опять къ вамъ и позволю вамъ меня съѣсть!

И, чтобы умиловить звѣрей, она стала ихъ ласкать и гладить своей дрожавшей рукой.

И вдругъ они заговорили.—

— Иди! сказалъ одинъ изъ нихъ.— Входи, милая, добрая королева! Мы осуждены были еще долго оставаться въ этихъ тигровыхъ шкурахъ, до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь насъ не приласкаетъ, и вотъ двѣсти лѣтъ мы

ожидали этой твоей ласки. И вотъ ты пришла и приласкала насъ. И вмѣсто того, чтобы употребить противъ насъ силу, ты побѣдила насъ своей добротой, а вѣдь ты знаешь, что силой не всегда достигнешь того, чего могутъ добиться просьба и доброта!

И они пошли передъ нею, а она послѣдовала за ними.

Въ темномъ лѣсу слышались возгласы и завыванія со всѣхъ сторонъ, съ каждой вѣтки, изъ-подъ каждаго куста, и фантастическія птицы отчаянно кричали на деревьяхъ. Громкая летучая мышь пересѣкала путь молодой дѣвушкѣ и змѣи шипѣли на нее изъ своихъ норъ.

Но она не отрывала своихъ глазъ отъ того мѣста, куда шла и гдѣ должно было находиться волшебное растеніе.

И вотъ они пришли туда. Цвѣтокъ дѣйствительно находился въ полномъ расцвѣтѣ и пѣлъ пріятную, трогавшую за душу мелодію.

Дѣвушка нагнулась надъ нимъ и сорвала его. Затѣмъ она поблагодарила тигровъ и отправилась въ обратный путь. Но только теперь всѣ лѣсные духи уже пришли въ ярость и негодованіе. Съ каждой вѣтки неслись проклятія и всѣ черные камни бранили ее за то, что ей удалось добыть то, чего не удалось добыть имъ. А на слѣдующій день король уже держалъ въ рукахъ этотъ цвѣтокъ, слушалъ его пѣніе и былъ совершенно здоровъ.

А такъ какъ королевичи были превращены въ камни, и такъ какъ

король отказался отъ своей короны, то стала править его дочь. Она по-прежнему была добра и попрежнему любила всѣхъ. Волшебный-же цвѣтокъ вскорѣ завялъ и засохъ, потому что могъ только одинъ разъ излечить человѣка отъ болѣзней и спасти ему жизнь. И когда настала чередъ, то король состарился еще больше и умеръ своею смертию.

А королева, ставшая послѣ него настоящей королевой, приказала своему библиотекарю записать съ ея словъ эту сказку, чтобы впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, ее читали другіе люди и знали, что доброта и просьба гораздо лучше грубой силы.

II.

Жили-были двѣ сестры: старшая изъ нихъ была дѣвушка двадцати лѣтъ, высокая, очень красивая, но высокомерная и завистливая, а младшей было всего десять лѣтъ. Это была нѣжная, любвеобильная дѣвочка съ прекраснымъ сердцемъ и чуткой душой, безропотно переносившая всѣ нападки своей старшей сестры. А эта сестра старалась всякій разъ ее унижить и довела ее до того, что уже не стала выпускать ее въ другія комнаты, когда пріѣзжали въ замокъ гости, и цѣлые дни дѣвочка должна была проводить на террасѣ, выходившей къ морю. Никто не хотѣлъ за нее заступиться и всѣ находили, что она дурна и глупа.

Все время одна да одна, бѣдняжка сидѣла на этой террасѣ, на своемъ

креслѣ, обитомъ бѣлымъ бархатомъ, и скучала. Никто къ ней не приходилъ, всѣмъ слугамъ въ замкѣ было приказано отвѣчать ей только словами «да» и «нѣтъ» и лишь иногда вечерній вѣтерокъ приносилъ ей звуки тѣхъ пѣсенъ и той музыки, которія пѣли и играли трубадуры передъ ея старшей сестрой.

Терраса, на которой такъ томительно тянулись дни младшей сестры, спускалась прямо къ морю. Волны иногда вплотъ подкатывались къ ея ступенямъ и дѣвочка любила слушать ихъ монотонное шипѣнье.

И вотъ однажды, когда она скучала болѣе обыкновеннаго, изъ воды вдругъ вышла очаровательная молодая дѣвушка и протянула къ ней золотую чашу, въ которой до верху былъ насыпанъ крупный жемчугъ.

— Принцесса, — обратилась она къ ней: «Моя повелительница, Фея жемчужныхъ раковинъ, сжалилась надъ тобой и вотъ посылаетъ тебѣ этотъ жемчугъ, равнаго которому нѣтъ во всемъ свѣтѣ».

И прежде чѣмъ дѣвочка могла что-нибудь отвѣтить, эта дѣвушка исчезла.

Полная удивленія, принцесса стала пересыпать жемчугъ между своими блѣдными пальчиками, не зная, что изъ него дѣлать. А онъ былъ такъ дорогъ, что стоилъ цѣлые миллионы.

И каково же было удивленіе во всемъ замкѣ, когда узнали, что у нея была эта драгоценность! И всѣ вдругъ сразу нашли, что она похорошѣла,

что интереснѣе ея нѣтъ другой дѣвочки во всей странѣ и всѣ дамы стали дѣлать передъ ней реверансы. Но тутъ вышла старшая сестра и при видѣ жемчуга, которому позабывала бы любая королева, набросилась на дѣвочку и стала ее бранить. А затѣмъ, чтобы жемчугъ этотъ не достался никому, она вырвала его изъ рукъ сестры и бросила его въ море.

— Что ты дѣлаешь?—воскликнула дѣвочка.

— Я желаю быть лучше и красивѣе всѣхъ,—сухо отвѣтила ей сестра,—а съ этимъ жемчугомъ любая рожа можетъ считаться красивой.

У дѣвочки навернулись на глаза слезы. Она снова осталась на террасѣ одна, снова сѣла въ свое кресло и погрузилась въ невеселыя мысли. А затѣмъ она стала плакать.

— Не плачьте, принцесса,—вдругъ услышала она около себя чей-то голосъ.—Лучше слѣдуйте за мной!

Принцесса подняла глаза и вдругъ увидела передъ собой ту же самую дѣвушку, которая принесла ей раньше жемчугъ.

Она взяла принцессу за руку и повела ее за собой.

Онѣ сошли съ таррасы на самый берегъ. Здѣсь дѣвушка взяла принцессу на руки и прямо по волнамъ понесла ее къ острову, на которомъ была большая пещера.

— Куда мы идемъ?—спросила ее дѣвочка.

— Къ Феѣ жемчуга,—отвѣтила та.— Это недалеко!

Онѣ вышли на берегъ острова, весь усыянный цвѣтущими анемонами и мощный перламутромъ. Передъ ними потянулись галереи изъ коралловъ и группы ирисовъ чередовались съ группами нарциссовъ. Наконецъ онѣ вошли въ обширный залъ, гдѣ было много дѣвушекъ, такихъ же, какъ и проводница, одѣтыхъ въ бѣлыя и розовыя платья, съ длинными волосами и съ драгоценными ожерельями на шеяхъ. Среди нихъ принцесса увидела Царицу Жемчуга.

— Иди сюда, милая дѣвушка,—обратилась къ ней Царица.— Ты добра и несчастна. Поэтому ты имѣешь право на нашу дружбу. Въ моихъ прогулкахъ по морскому дну я часто подходила къ твоей террасѣ и мнѣ всегда было жаль на тебя глядѣть. Подойди-же сюда поближе!

Принцесса подошла къ ней и она ее горячо поцѣловала.

— Ты унесешь отсюда съ собою,—продолжала Царица,—цѣлыя корзины жемчужинъ, такихъ жемчужинъ, равныхъ которымъ не знаетъ ни одинъ ювелиръ на свѣтѣ. И ты должна будешь сыпать ими по своему пути. И ты увидишь, какъ тогда все измѣнится и какъ всѣ люди сразу перемѣнятся къ тебѣ и какъ станутъ тебя уважать.

Въ эту минуту двѣнадцать молодыхъ русалокъ принесли корзины, сплетенныя изъ чистаго золота, и всѣ дѣвушки, сколько ихъ было, сняли съ себя драгоценности и положили ихъ въ корзины. Когда-же корзины были пол-

ны, Царица еще разъ поцѣловала принцессу и пожелала ей счастья и славы.

А затѣмъ молодая дѣвушка опять повела маленькую принцессу прямо по водѣ обратно въ замокъ.

И всякій разъ какъ принцесса хотѣла убѣдиться въ томъ, правильно ли ей говорила Царица жемчуга, она выходила къ своимъ гостямъ, бросала имъ горсти драгоценностей изъ корзины и они расprostирались передъ нею ницъ, хватали драгоценные камни и старались наперерывъ ее увѣрить, что лучше, добрѣе и кра-

сивѣе ея нѣтъ никого на бѣломъ свѣтѣ и что если она захочетъ, то они умрутъ за нее и пойдутъ за нее въ огонь и въ воду.

А она глядѣла на нихъ и ей было жаль ихъ, потому что они передъ нею унижались.

Старшая-же ея сестра, которая была теперь бѣднѣе, чѣмъ она, захотѣла и сама испытать счастья у Царицы жемчуга. Она отправилась къ острову прямо по водѣ, но захлебнулась и утонула.

И никто не пожалѣлъ ея.

РАЗСКАЗИКИ.

Одинъ любитель старинныхъ вещей показывалъ своему пріятелю кружку, изъ которой пилъ еще Наполеонъ I въ 1812 году.

— А почему же на кружкѣ штемпель: «фабрики Кузнецова?» спросилъ пріятель.

— Да вотъ видишь ли, отвѣчалъ любитель старины,—кружка разбилась, такъ я къ крышкѣ прикупилъ новую кружку уже у насъ въ Россіи.

— Но вѣдь и на крышкѣ тоже штемпель: «фабрики Гарднера?»

— Ну, что-жъ такого! обидѣлся любитель старины.—Вскорѣ разби-

лась крышка я и прикупилъ къ кружкѣ новую крышку!

Лиза давно ждала, что ей сошьютъ къ Новому году платье. И вотъ наконецъ ея желаніе исполнилось. Платье сшили изъ бѣлой фланели и шила его не портниха, а портной. Такого роскошнаго костюма у Лизы не было никогда. Когда портной окончилъ примѣрку, мама осталась очень довольна платьемъ, уплатила портному деньги за работу и сказала:

— Лиза, тамъ въ буфетѣ стоитъ вишневая наливка... Зажги свѣчку,

налей рюмку и дай ее портному. Пусть онъ выпьетъ на здоровье!

Лиза такъ была довольна своимъ платьемъ, что побѣжала въ столовую и полѣзла въ буфетъ, такъ и не засвѣтивши огня. Наливъ въ рюмку изъ бутылки, которая подвернулась ей подъ-руку, она возвратилась къ портному и протянула ему напитокъ.

Портной взялъ у нея изъ рукъ рюмку и однимъ залпомъ выпилъ изъ нея содержимое.

Какъ вдругъ лицо его исказилось, онъ поперхнулся, закашлялъ и брызги во всѣ стороны полетѣли у него изо рта.

Это оказались чернила.

Лиза стояла тутъ же и глазамъ своимъ не вѣрила. Все ея новое платье было обрызгано чернилами.

Мама нахмурилась и сказала:

— Вотъ послѣдствія твоего непослушанія. Я говорила тебѣ, чтобы ты зажгла свѣчку, и ты не зажгла. Вотъ теперь и ходи въ пестромъ платьѣ!

АРИМОГРАФЪ № 2.

Слово состоитъ изъ девяти буквъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Буквы 4, 7, 6, 1, означаютъ звѣря, 8, 7, 4, 9—рѣку въ Африкѣ, 2, 7, 4, 1—плотничій инструментъ, 6, 1, 8, 7—экипажъ, 4, 1, 2, 1—ногу у звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ, 2, 1, 8, 3, 4, 5—принадлежность улицы, 4, 7, 8, 5—рыбу, 2, 4, 1, 8, 9—чертежъ, 6, 2, 7, 8, 1—часть тѣла, и 3, 4, 5—дерево. Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ очень вкусный, душистый плодъ.

ЗАГАДКА № 3.

Если отъ слова, означающаго большую рѣку, отнять первую букву, то получится слово, означающее то, что находится въ этой рѣкѣ. Какія это слова?

ЗАДАЧА № 3.

Напишите: что вамъ нравится?

Отвѣтъ долженъ состоять изъ трехъ словъ и вовсе не долженъ содержать въ себѣ описанія того, что вамъ нравится. Это очень забавно.

ШАРАДА № 4.

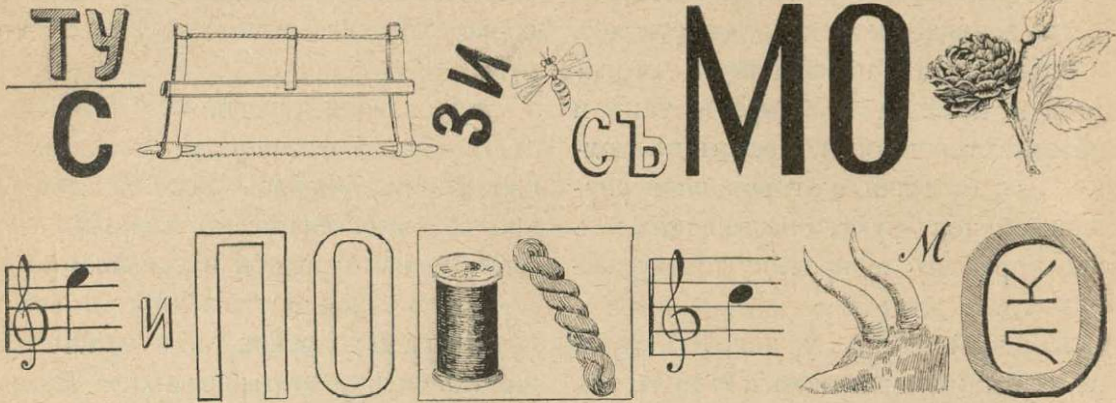
Хоть я считаюсь первымъ слогомъ,
Но скоро всѣ меня найдутъ,
Коль назовутъ меня предлогомъ
Или сыграютъ, иль споютъ.

А два вторые слога—карты,
Въ нихъ девяносто цифръ однихъ,
Ибудь ты молодъ, иль будь старъ ты,
Сыграешь ты охотно въ нихъ.

И вещи болѣе полезной
У столяра ты не найдешь,
Чѣмъ этотъ инструментъ желѣзный,
Коль всѣ три слога ты поймешь.

РЕБУСЪ № 3.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно разгадавшихъ этотъ ребусъ, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе ариомографа № 1. Ракъ, циркъ, рука, кирка. Задуманное слово—курица.

Отгадка задачи № 2. Собака.

Рѣшеніе ребуса № 2. На + ши-ла + с + точки + св + ива + ють + гнѣзда + подь + крыша + ми = Наши ласточки свиваютъ гнѣзда подь крышами.

Вѣрное рѣшеніе ариомографа, загадки и ребуса прислали:

М. Краснокъ въ Смѣлѣ, Степа Пршеменскій въ Кишиневѣ, Наташа Вѣлоножкина въ Спб., К. Головановъ въ Спб.

Вѣрное рѣшеніе ариомографа и ребуса прислали:

Леля и Костя Чистяковы, Павлуша Кобылинъ въ Спб., Катя Сербова въ Кронштадтѣ, А. Хвостова въ Вологдѣ, Володя Орловъ въ Одессѣ, Галя Котельникова въ Верхнеднѣпровскѣ.

Вѣрное рѣшеніе загадки и ребуса прислали: Оля Королько въ Спб.

Вѣрное рѣшеніе ребуса прислали:

Сережа Шеметкинъ въ Спб., А. Ольдерогге въ Спб., Леля Шумилова—Н. Петергофъ, Лилуша Гаврилова—Кронштадтъ, Миша Анисимовъ—Спб., Толя Шмидтъ—Ямбургъ, Ваня Пе-

тропавловскій—Серебрянка, Шура Корчагинъ—Спб., Нина Тихомирова—Александровъ, Вѣра Григорьева—Ковно, Лера и Люся Андреевы—Одессія, Оля и Таня Беръ—Владимиръ, Сережа Копытько—Екатеринославъ, Ната Дитяткина—Ст. Русса, Сережа Марковъ—Ялта, Аля Смѣкаловъ—Бахмутъ, Оля Карева—Полтава, Вова Бабинъ—Христиновка, Володя Шумаковъ—Харьковъ, Дина Каганъ—Ревель, Коля Даниловъ—Саратовъ, Муся Шишко—Майкопъ.

Вѣрно рѣшили одинъ ариомографъ: В. Зайцевъ въ Спб.

Вѣрно рѣшили загадку и ариомографъ: Боря Шумаковъ—Харьковъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Галъ Котельниковой, Верхнеднѣпровскъ. Вѣроятно, потому, что ваше рѣшеніе опоздало или было невѣрно.

Вовъ Бабину, ст. Христиновка. Скворещница устраивается такъ: берутъ небольшой ящикъ 6 или 8 вершковъ длины и по 4 верш. глубины и ширины, весь наглухо заколоченный. Въ этомъ ящикѣ, съ одной стороны его, у самого потолка, прорѣзываютъ ходъ для скворца, величиною съ мѣдную 5-ти копеечную монету. У этого входа прибавляютъ маленькую полочку, ввидѣ крылечка. Вотъ и все. Скворещница готова. Ее вѣшаютъ на дерево, или приколачиваютъ къ шести, или же прямо прибавляютъ къ сараю, подь крышу. Въ февралѣ скворецъ обязательно найдеть ее и поселится въ ней.